

В. Г. Короленко

Софрон Иванович

Из рассказов о встречах с людьми

В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах

М., ГИХЛ, 1954

Том четвертый. Повести, рассказы и очерки

Подготовка текста и примечания С. В. Короленко

OCR Бычков М. Н.

I

В первый раз я встретил этого замечательного человека в Копенгагене, в музее Торвальдсена.

Ни один музей в мире не производил на меня более сильного впечатления, хотя, несомненно, есть много музеев и богаче, и разнообразнее. Музей Торвальдсена -- это гигантский саркофаг, воздвигнутый над скромной могилой художника. Строгое, простое, почти без всяких украшений здание охватывает с четырех сторон небольшой дворик. Посередине дворика, обставленная цветами, лежит скромная каменная плита, на плите простая надпись; "Bertel Thorwaldsen". Кругом в четырехугольном здании коридоры и залы, в которых собрано в оригиналах или копиях все, сделанное художником, и все, что имеет, к нему отношение. Торвальдсен спит здесь, под этим камнем, окруженный своими творениями... Есть что-то возвышенное и трогательное в этой символической связи жизни и смерти.

В тот день небо над Копенгагеном было мглистое и серое. По временам моросил дождик, падая сверху на дворик, на асфальтовый мозаичный пол, на зелень кругом могилы и на плиту.

Около нее, когда я подошел, стояли три человека.

Один был рослый, очень красивый старик с кудрявыми седыми волосами и темными бровями. Через плечо у него был перекинут легкий плед, сумка на ремне и бинокль. Рядом с ним стояла дама, совсем еще молодая, которую можно было принять за его дочь. Третий собеседник был, повидимому, туземец -- швед или датчанин, белокурый, с белесыми, бесцветными глазами.

Лица у всех были серьезные, как будто даже слегка торжественные. Седой господин снял шляпу, которую держала теперь его спутница, и капли дождя падали на его белую, выющуюся шевелюру. Повидимому, он служил центром этой небольшой группы. Молодая женщина глядела на него снизу вверх с выражением благоговения, почти обожания. Белесый туземец ловил каждое его слово и движение...

Когда я подошел, старый господин, только что набросавший что-то в записной книжке, вырвал слегка промокший листок и протянул его белесому господину. Тот пробежал написанные строки и выразил на каком-то неизвестном мне языке свое восхищение. Потом он вынул платок, бережно снял с листка капли дождя и аккуратно, как святыню, спрятал листок в портмоне. После этого они обменялись еще несколькими словами. Я напрасно вслушивался в их разговор, стараясь определить национальность неизвестных туристов; звуки были мне совершенно чужды,-- во всяком случае они не говорили ни по-французски, ни по-немецки, ни по-английски, ни по-шведски. Мне показалось почему-то, что это должны быть венгерцы,-- вероятно потому, что именно о венгерском языке я не имел ни малейшего, даже приблизительно, звукового понятия.

Через минуту незнакомцы исчезли, и я остался один перед могилой Торвальдсена... Сверху все сеял тихий дождик, шелестя по крышам здания и по мозаичному полу двора. Легкие мглистые тучи передвигались вверх, навевая какие-то неуловимые, неясные мысли... Начинало вечереть, в здании-саркофаге звонили. Посещение кончилось.

Я вышел из музея с сильным, хотя и смутным ощущением, унося с собою воспоминание об этом грандиозном памятнике, о дворике, о плите с величаво простою надписью, о дожде, о мглистых тучах и... о высоком старике, стоявшем с непокрытой головою у этой могилы... Вероятно,-- подумал я,-- какой-нибудь художник, ученый, поэт, вообще -- знаменитость, посетившая Копенгаген. По восхищенно-почтительному лицу туземца можно было догадаться, что он считает это посещение за великую честь